

Владимир Малахов

ИНТЕГРАЦИЯ МИГРАНТОВ

КОНЦЕПЦИИ
И ПРАКТИКИ

·МЫСЛЬ·
Москва
2015

УДК 314.15:316.4.063.3

ББК 60.546.7

М18

ФОНД ЛИБЕРАЛЬНАЯ МИССИЯ

Малахов, В.С.

М18 Интеграция мигрантов : Концепции и практики /
Владимир Малахов. – Москва : Фонд «Либеральная Миссия»,
2015. – 272 с.

ISBN 978-5-244-01174-6

Монография представляет собой первый в отечественной литературе опыт систематического анализа проблематики интеграции мигрантов. Автор затрагивает данную проблему во всем многообразии ее измерений – концептуальном, общественно-политическом, нормативно-культурном и административном. Отсюда широкий круг вопросов, обсуждаемых в работе. Каковы основные тенденции в осмыслении проблемы интеграции новопривывшего населения в современной социальной науке? Каким образом эта тема препарируется публичными политиками и капитанами медиабизнеса в индустриально развитых странах? Какова стратегия и тактика управленцев западноевропейских государств в отношении социального включения мигрантов и их потомков? Как выглядят ценностные и культурные коллизии, возникающие в ходе взаимодействия местных жителей и приезжих? В чем заключается российская специфика в данном контексте? И наконец, каким образом европейский опыт интеграционной политики может быть применен в России?

Книга будет интересна и лицам, принимающим решения, и профессиональным обществоведам, и гуманитариям-любителям.

УДК 314.15:316.4.063.3

ББК 60.546.7

ISBN 978-5-244-01174-6

© Фонд «Либеральная Миссия», 2015

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ. ИНТЕГРАЦИЯ МИГРАНТОВ:

ИЗМЕРЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ 9

ЧАСТЬ I. ИНТЕГРАЦИЯ МИГРАНТОВ:

КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ 19

Глава 1. Проблематичность исходных понятий..... 21

Иммигранты, мигранты
и феномен международных миграций..... 21

Миграция и методологический национализм..... 23

Иммигранты и репатрианты..... 27

Где пролегает граница между местным
и приезжим населением? 29

Глава 2. Что означает «интеграция мигрантов»? 32

Проблематика интеграции мигрантов
в западной академической литературе 35

Тема интеграции мигрантов в европейских
публичных дебатах 39

Интеграция мигрантов в европейском
официальном дискурсе 44

Интеграция как процесс
и как административно-
политическая практика 46

Глава 3. Национальные контексты 52

Национальные особенности в обсуждении
проблематики интеграции иммигрантов 52

Политика интеграции: национальные особенности или национальные модели?	59
--	----

Часть II. Интеграция мигрантов:

Общественно-политическое измерение	71
---	----

Глава 4. Социальное поведение мигрантов:

Объяснительные модели

и эмпирические исследования	73
Эссенциалистские подходы	73
Неомарксизм	74
Неовеберизм	75
Неоинституционализм и теория структуры политических возможностей	76
Эмпирические исследования социального поведения мигрантов.....	77

Глава 5. Детерминанты социальной активности

населения мигрантского происхождения	83
Социальная мобилизация мигрантов как объект изучения	83
Антииммиграционные настроения и фактор крайне правых	84

Глава 6. Политическое участие мигрантов .....

Характеристики политического поведения мигрантов	92
Феномен этнического голосования.....	98
Политические деятели мигрантского происхождения	99
Иммигрантские лобби?.....	102
Мигрантское население как политический ресурс консерваторов?	103
Организации мигрантов.....	104

Глава 7. Уличные беспорядки .....

Причины и поводы.....	108
Алхимия волнений	111

Беспорядки в контексте национальной политической культуры.....	113
--	-----

Часть III. Интеграция мигрантов:

НОРМАТИВНОЕ И КУЛЬТУРНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ	115
---	------------

Глава 8. Нормативные коллизии, порождаемые миграцией	117
---	------------

Целостность общества vs. права человека.....	117
--	-----

Угроза демократическим ценностям или культурная гегемония?	120
--	-----

Вопрос о ценностном нейтралитете государства	122
--	-----

Некоторые выводы	126
------------------------	-----

Глава 9. Культурные конфликты.....	127
---	------------

Споры вокруг дресс-кода	127
-------------------------------	-----

Конфликты по поводу строительства культовых сооружений	134
--	-----

Конфликты по поводу применения норм традиционного права	138
---	-----

Свобода выражения vs. религиозные чувства	140
---	-----

Другие культурные конфликты.....	143
----------------------------------	-----

Глава 10. Социальное инкорпорирование мигрантов-мусульман: в чем специфика?	146
--	------------

Уточняя содержание понятий	146
----------------------------------	-----

Вопрос о будущем секуляризма vs. вопрос о будущем «христианской Европы»	149
---	-----

Конфликт ценностей или двойные стандарты?.....	151
--	-----

Проблема интеграции мусульман как проблема восприятия	154
---	-----

Существует ли исламофобия?.....	160
---------------------------------	-----

Глава 11. Гендерный аспект	164
---	------------

Глава 12. Миграция и культурный ландшафт принимающих стран	168
---	------------

Часть IV. Интеграция мигрантов:**Административно-политическое измерение..... 179****Глава 13. «Политики интеграции»****в отдельных странах Западной Европы:****Формирование, эволюция, результаты 181**

Бельгия..... 181

Нидерланды 184

Франция..... 188

Германия 191

Интеграционная политика vs.
процесс интеграции ..... 192**Глава 14. Региональная и локальная специфика****интеграционной политики ..... 195****Глава 15. Мультикультурализм как политика:****символический и инструментальный уровни 203**

Мультикультурализм

как символическая политика 203

Инструментальный уровень 206

Глава 16. Программы интеграции мигрантского**населения в странах ЕС: современное состояние..... 211**

Основные направления усилий и приоритеты 211

В рамках каких институтов

реализуются программы интеграции 212

Общее и особенное в интеграционной

политике государств ЕС последних лет 217

Как выглядят и как реализуются

программы интеграции 219

Индикаторы интеграции..... 220

Стратегия ЕС на современном этапе..... 221

Практики интеграции: know how..... 223

Глава 17. Европейский опыт:**что из него можно извлечь в России? 228**

Российская специфика 228

Европейские эксперты о трех десятилетиях опыта интеграции	235
Что необходимо для успешной интеграции мигрантов в России	237
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	241
ПРИЛОЖЕНИЯ	249
1. Беженцы и соискатели политического убежища в странах Западной Европы	251
2. Отношение к иммиграции и иммигрантам в Западной Европе	252
3. Отношение к мусульманам в Европе	256
4. Индексы «мультикультурных политик»	258
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН	259
ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ	265

ВВЕДЕНИЕ

ИНТЕГРАЦИЯ МИГРАНТОВ: ИЗМЕРЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ

Эта книга посвящена анализу европейского (и шире — западного) опыта интеграции иммигрантов. Для русского читателя, однако, такой опыт интересен лишь в той мере, в какой он может быть применен в России.

Очевидно, что сходство России с европейскими странами определяется ее принадлежностью к индустриально развитому миру. Россия, как и другие страны условного Севера, привлекает трудовые ресурсы из стран условного Юга. Кроме того, в Россию, так же как и в европейские государства, тянутся беженцы и соискатели убежища из экономически и/или политически неблагополучных регионов. На этом, однако, сходство России с ее европейскими соседями (не говоря уже о Соединенных Штатах и Канаде) заканчивается.

Во-первых, Россия — новая страна иммиграции. Мы лишь недавно вступили в ту колею, в которой наши соседи и конкуренты находятся уже более полувека¹. Неудивительно, что в российском обществе отсутствует согласие не только относительно необходимости интеграции мигрантов, но и относительно необходимости самой иммиграции. Значительная часть элит, ссылаясь на высокий градус антимиграционных настроений среди граждан, отстаивает точку зрения, согласно которой России нужно отказаться от внешней миграции (сделав исключение для относительно небольшого числа высококвалифицированных специалистов). Если масштабное

---

¹ Если вести отсчет от первых программ найма иностранной рабочей силы, то в случае Бельгии это 1946 г., в случае Германии — 1955-й и т.д.

привлечение иностранных работников и рассматривается как приемлемая возможность, то только в формате временной миграции. Иными словами, иммигранты допускаются лишь в качестве «гастарбайтеров»¹. На таком фоне системное принятие решений в политико-правовой сфере, которые создавали бы условия для интеграции новоприбывшего населения, мягко говоря, затруднено.

Во-вторых, основные потоки людей, въезжающих в Россию, образуют выходцы из постсоветских стран. Четыре пятых российской иммиграции — это миграции в пределах бывшего СССР². Это значит, что большинство внешних мигрантов в российском случае составляют люди, еще недавно принадлежавшие к единому социокультурному пространству. По мере отдаления от момента распада этого пространства различия между россиянами и гражданами постсоветских государств, конечно, будут расти, но пока они не столь велики, как различия между принимающим населением и иммигрантами на Западе.

В-третьих, Россия — страна, которая по целому ряду параметров не вписывается в образец «национального государства» в том виде, в каком он сложился на протяжении последних полутора столетий в Западной Европе. Будучи в прошлом империей, Россия является в гораздо большей мере полиэтничной (многонациональной), чем даже самые неоднородные в этническом отношении европейские государства. Бельгия с ее тремя, Швейцария с ее четырьмя языковыми сообществами (и даже Испания, в которой сосуществуют пять языковых групп) меркнут на фоне российского этнокультурного разнообразия (более ста народов). Но суть дела не в многообразии населения как таковом. Суть дела в том, что в России — ни на уровне гражданского общества, ни на уровне элит — не решен вопрос о природе российского государства. Чем является современная Российская Фе-

---

¹ Примечательно, как легко это немецкое слово (*Gastarbeiter* = гостевой рабочий) вошло в русский язык.

² Еще пятая часть приходится на страны дальнего зарубежья (от Турции до Китая и КНДР), но это в основном временные мигранты.

дерация – нацией, союзом народов (с русским народом как государствообразующим), империей (пусть и с приставкой пост-)? Острые размежевания вокруг этих определений не только не смягчились за время, отделяющее нас от момента распада СССР, но и усилились после известных украинских событий.

Непроясненность российской политической идентичности проявляется в том, как наши граждане относятся к мигрантам из постсоветских стран. С одной стороны, среди россиян распространено скептическое отношение к суверенитету государств, возникших в результате Беловежских соглашений 1991 г. В их воображении жив образ России как цивилизационного центра, границы которого совпадают если не с пределами Российской империи, то с пределами Советского Союза. С другой стороны, большинство сегодняшних российских граждан болезненно относится к тому, что в Россию прибывают на работу и на жительство люди из бывших советских республик. Отторгая этих людей, россияне активизируют дискурс национального государства, с четко очерченными и строго охраняемыми границами. Но националистический дискурс никак не соответствует имперскому сознанию. Если Россия – имперский центр, то она должна быть готова к тому, что в центр потянутся обитатели периферии. Более того, существенная черта империй – культурная открытость и, как следствие, терпимость к различиям. Непохоже, чтобы эта черта была свойственна общественному сознанию в сегодняшней России.

Словом, дебаты вокруг проблем интеграции мигрантов нам еще предстоят. Возможно, это случится совсем скоро. Но не исключено, что процесс осознания превращения России в страну иммиграции затянется, и общественная дискуссия будет отложена¹. Как бы то ни было, развернутая экспо-

---

¹ Что касается академического обсуждения этой проблематики, то оно уже началось. Среди имен, которые следует упомянуть в этой связи в первую очередь, Владимир Мукомель, Юлия Флоринская, Екатерина Деминцева, Евгений Варшавер, Анна Рочева, Ольга Бредникова, Олег Паченков, Даниил Александров, Сергей Градировский, Елена Филиппова, Ольга Ткач, а также безвременно ушедшая Елена Тюрюканова.

зиция положения дел, сложившегося в данной сфере у наших соседей по европейскому континенту, — вещь полезная.

* * *

Перемещения людей из стран бывшего третьего мира в страны первого мира являются лишь частью транснациональных миграционных потоков. Миграции внутри азиатского, африканского и южноамериканского континентов составляют не менее трети всего потока глобальных миграций¹. Работники из Непала и Афганистана едут в Арабские Эмираты, беженцы и трудовые мигранты — из Ботсваны в ЮАР, лаосцы и камбоджийцы в массовом порядке иммигрируют в Таиланд и т.д. Однако по целому ряду причин эти процессы не сопровождаются заметными публичными и академическими дискуссиями на тему интеграции мигрантов. Иное дело — миграции из азиатских и африканских регионов в Западную Европу и из Латинской Америки в США. Здесь проблематика инкорпорирования нового населения в принимающее общество обсуждается и на телевидении, и в газетах, и в ученых журналах.

Существует три источника массового притока в страны условного Севера (Запада) переселенцев из стран условного Юга (Востока).

Источник первый: демонтаж империй. После того как европейцы отказались от своих заморских владений (это произошло около 1960 г.), начинается приток населения из бывших колоний в бывшие метрополии. Это постколониальная миграция.

Источник второй: нехватка трудовых ресурсов в ситуации послевоенного экономического бума (1950–60-е). Непреднамеренным следствием присутствия «гостевых рабочих» стал массовый въезд в Европу иностранцев по линии воссоеди-

---

¹ По данным United Nations Population Division, в 2010 г. на земном шаре насчитывалось более 214 млн международных мигрантов, из них 73 млн мигрировали из одних развивающихся стран в другие. В 2013 г. мировое мигрантское население составляло около 233 млн, из которых 96 млн перемещались в пределах условного Юга.

нения семей. Зачастую можно услышать недоуменный вопрос: почему такому въезду не был поставлен заслон? Ответ: потому что такой заслон был бы возможен только в условиях апартеида. Однако *conditio sine qua non* либерального государства — отношение к людям как к обладающим достоинством существам. Иностранцы трудящиеся, приехавшие в страну по приглашению и отработавшие на ее благо пять-десять и более лет, имеют такие же основания на человеческое к себе отношение, как и местные трудящиеся. Как писал в свое время Карл Поланьи, «мнимый товар под названием “рабочая сила” невозможно передвигать с места на место, использовать, как кому заблагорассудится, или даже просто оставить без употребления, не затронув тем самым конкретную человеческую личность, которая является носителем этого весьма своеобразного товара». Мысль, что и говорить, не слишком близкая господствующему ныне сознанию. «Распоряжаясь “рабочей силой” человека, — продолжает Поланьи, — рыночная система в то же самое время распоряжается неотделимым от этого ярлыка существом, именуемым “человек”, существом, которое обладает телом, душой и нравственным сознанием»¹.

Источник третий: социальные катаклизмы, влекущие за собой появление беженцев. Здесь вновь заявляет о себе гуманитарный императив политики либеральных демократий. Подобные явления — элемент структуры, именуемой современным миром. Последний же представляет собой единую социально-экономическую систему, хотя и разделенную на две сотни «национальных государств». Это значит, что все, что происходит на периферии этой системы, связано — иногда косвенно, а иногда и прямо — с тем, что происходит в центре.

В самом деле, государства Севера довольно часто бывают непосредственно вовлечены в политические события в государствах Юга: в качестве патронов непопулярного режима или, напротив, в качестве сил, организующих государственный переворот, в качестве поставщиков оружия одной из воюющих сторон и т.д. Поэтому в новейшей истории постоянно возника-

¹ Поланьи К. Великая трансформация: Политические и экономические истоки нашего времени. СПб.: Алетея, 2002. С. 87.

ли ситуации, когда допуск на свою территорию людей, борющихся с неугодным Западу политическим режимом (например, сторонников иранского шаха после его свержения в 1979 г. или противников Саддама Хусейна в Ираке в 1980–90-е годы) был не чем иным, как моральным долгом западных держав. Не говоря уже о том, что гражданские войны в «развивающихся» странах часто случаются не без влияния центров силы в развитом мире. Например, война в Югославии в начале 1990-х годов стала последствием признания Германией суверенитета Словении и Хорватии. Прием Германией сотен тысяч хорватских беженцев был своего рода признанием ответственности страны за ее позицию по Югославии. Несколько миллионов беженцев из Афганистана и Ирака стали прямым следствием авиационных ударов 2002–2003 гг. и последующей оккупации этих стран войсками НАТО. И если события 2011 г. в Тунисе и Египте («арабская весна») были скорее результатом внутренних противоречий этих обществ, то беженцы из Ливии вряд ли бы устремились в Европу, если бы не натовские бомбардировки.

Не столь многочисленную, но тем не менее значимую группу мигрантов с Юга на Север представляют собой соискатели политического убежища¹. Это активные борцы с тем или иным репрессивным режимом, которые были вынуждены покинуть свою страну и которых в случае отказа в убежище ждут пытки и, скорее всего, смерть. Прием соискателей политического убежища также считается моральным обязательством благополучных государств. К сожалению, на практике выполнение этого обязательства страдает большой долей избирательности, если не сказать лицемерия. Так, в годы

---

¹ Отличие соискателей политического убежища (*asylum seekers*, *Asylbewerber*, *compétiteur d'asile politique*) от беженцев (*refugees*, *Fluechtlinge*, *réfugié*) заключается в том, что первые могут рассчитывать на постоянное жительство в стране, предоставившей искомый статус, тогда как вторые получают разрешение на временное пребывание до тех пор, пока условия, препятствующие их возвращению на родину, не изменятся. Счет людей обеих категорий, ходатайства которых венчаются положительным решением, идет от нескольких сот до нескольких десятков тысяч человек ежегодно — в зависимости от размеров населения принимающего государства, а также того уровня моральных обязательств, которые берет на себя его руководство (см. приложение 1).

холодной войны соискатели убежища из стран с левыми режимами (Куба, Польша до 1989 г. и т.д.) имели гораздо больше шансов его получить в западных странах, чем соискатели того же статуса из государств с правыми режимами (Чили при Пиночете, Турция при военных режимах и т.д.).

Итак, вопрос о приеме мигрантов – часть проблемы ответственности первого мира за то, что происходит на земном шаре.

Как сюда вписывается Россия (в годы холодной войны являвшаяся частью второго мира) – вопрос, который на нижеследующих страницах будет присутствовать лишь имплицитно.

* * *

Несколько слов о замысле и структуре этой книги.

Мы начинаем с обсуждения концептуальных вопросов. Критическому осмыслению подвергаются ключевые понятия – понятие «интеграция» в первую очередь. Логически интеграция представляет собой противоположность «дезинтеграции» и «сегрегации». «Интеграция мигрантов» в первом из данных контекстов означает такое включение новоприбывшего населения в существующее общество, которое не нарушает целостности последнего. Во втором из контекстов «интеграция мигрантов» предполагает, что принимающей стране удастся избежать разделения общества – пространственно-географического, коммуникационного и культурно-символического – на изолированные друг от друга сообщества (или, выражаясь в других терминах, замыкания мигрантского населения в изолированных от местных жителей анклавах, в пресловутых мигрантских гетто).

Смысл слов, используемых для обозначения интересующих нас проблем, зачастую далек от ясности. Эта неясность иногда обусловлена различиями в национальных контекстах. Так, в Северной Америке до недавнего времени был в ходу термин «ассимиляция»; в американском и канадском контексте данный термин не сопровождался негативными коннотациями. Ассимиляция здесь не означала отказа от культурной идентичности, связанной со страной, в которой мигранты жили до прибытия в Новый свет. Однако под влиянием европейских

дебатов термин «ассимиляция» впал в немилость, и там, где американские авторы говорили об ассимиляции мигрантов, они стали говорить об их интеграции. Вместе с тем, по убеждению многих критиков, сам термин «интеграция» имплицитно содержит в себе элемент ассимиляции. В поисках более нейтральных обозначений ряд авторов предложили употреблять термины «абсорбция», «включение», «инкорпорирование». Мы также будем прибегать к альтернативным терминам. Однако вряд ли имеет смысл полностью заменять ими термин «интеграция». Главное, что, используя этот термин, мы отдаем себе отчет в его многозначности и проблематичности.

Точно так же обстоит дело и с понятием «мигранты». Само его использование таит в себе две опасности. Во-первых, используя это понятие, мы начинаем рассматривать совершенно разных людей в качестве членов одной группы. Во-вторых, подводя различных индивидов под эту категорию, мы невольно их стигматизируем. Воображение рисует смутное облако из потенциальных опасностей (болезней, преступлений, терактов), за которым невозможно разглядеть живых людей.

Еще более явной стигматизация становится тогда, когда в ход идут выражения «нелегальные мигранты» или «нелегалы». Ситуаций, когда человек вынужден работать без оформления надлежащих документов, великое множество. Однако сам термин «нелегал» автоматически помещает его в ряд преступников. Поэтому лексика, которую избирают участники общественных дискуссий, имеет принципиальное значение для характера самих дискуссий. Там, где одни говорят о «нелегальной иммиграции» и «незаконных мигрантах», другие предпочитают вести речь о «нерегулируемой иммиграции» и «недокументированных мигрантах»¹. В российском случае выбор слов особенно важен. В силу открытости границ с постсоветскими

---

¹ Симптоматично, что в Италии и Испании для обозначения недокументированных мигрантов в быденном языке применяются слова *clandestini* и *clandestinos*, что значит среди прочего «те, кто живут рядом с нами». Во Франции в публичных дебатах (преимущественно на левом фланге) для той же цели используют термин *sans papier* (без документов). См.: “Dass Sie uns nicht vergessen...” Menschen in der Illegalitaet in Muenchen. Eine empirische Studie im Auftrag des Landeshauptstadt. München, 2003.

государствами большинство российских внешних мигрантов прибывают в страну легально, так что эпитет «нелегал» к ним неприменим. Другое дело — трудовая деятельность без соответствующего разрешения. Но здесь опять-таки надо выяснить, почему человек оказался в серой зоне — по своей вине или потому, что его туда вытолкнули заинтересованные инстанции¹.

Среди концептуальных аспектов проблематики интеграции для меня особую важность имел вопрос о соотношении культурных и структурных факторов процесса включения мигрантов в принимающее общество. На мой взгляд, в российской литературе зачастую совершается методологическая ошибка, связанная с гипостазированием выражения «культурная дистанция». Авторы, оперирующие этим понятием, понимают под ним некую статичную данность. Предполагается, что именно непреодоленная (непреодолимая) культурная дистанция ответственна за провал интеграции. Если мигранты замыкаются в своих анклавах, сводя к минимуму контакты со старожилами, то это происходит в силу их стремления удержать свою культурную самобытность. По моему убеждению, здесь нужна принципиально иная логика. То, что именуют культурной дистанцией, не есть проблема сама по себе. Она становится проблемой в результате неудачи в интеграции. Иными словами, основной источник таких явлений, как самоизоляция, геттоизация, анклавизация мигрантов, следует искать не в субъективных особенностях последних², а в объективных осложнениях в ходе интеграции. По приезде дистанция между мигрантами и старожилами может быть даже меньшей, чем она становится со временем, если что-то вдруг пойдет не так. Сначала — неудача в трудоустройстве, карьере, социальном признании и т.д., затем — компенсация этой неудачи посредством подчеркивания

---

¹ Таких инстанций три: бизнесмены, стремящиеся избежать налогового бремени, чиновники, готовые за определенное вознаграждение закрыть на это глаза, и посредники — теневые организации, предоставляющие услуги по оформлению документов, которые без них оформить крайне трудно, а зачастую и невозможно. См.: Градировский С. Политика репатриации и трудовой миграции в современном российском государстве : доклад. М. : Всемирный банк : Фонд «Миграция XXI век, 2010.

² Хотя значимость этих особенностей игнорировать нельзя (см. гл. 9).

культурных особенностей. Люди переезжают в другую страну не для того, чтобы пестовать там свою культурную идентичность. Если же они на новом месте избирают такую стратегию поведения, то объясняется эта стратегия прежде всего неснятой структурной дистанцией¹.

Проблематика интеграции мигрантов чрезвычайно многомерна. С одной стороны, мигранты выступают в качестве объекта управления, а их интеграция — в качестве результата усилий специально занятых этим институтами. Это *административный* аспект интересующей нас проблематики. С другой стороны, мигранты — субъект социального действия. Различные индивиды и группы из числа новоприбывшего населения вступают в контакт с индивидами и группами из числа старожильческого населения. Анализ взаимодействия этих индивидов и групп выводит нас к *политическому* аспекту интеграции мигрантов. Каждому из этих аспектов посвящен отдельный раздел настоящей книги (причем раздел, трактующий политическую сторону дела, предшествует разделу, рассматривающему административную сторону). В промежутке между этими разделами книги помещена часть, сосредоточенная на *нормативных* и *культурных* аспектах интеграционной проблематики.

Нет нужды излагать здесь содержание дальнейших страниц. Отметим лишь, что тема интеграции мигрантов поднимается там и тогда, где и когда с ней возникают проблемы. Когда в этой сфере все идет своим чередом, подобные вопросы общество не волнуют. Приезжающие из-за границы люди постепенно вписываются в жизнь принимающего общества — и адаптируясь к нему, и трансформируя его. Ситуации «провала интеграции», о которых любят поговорить популисты, уместно рассматривать как то, что оттеняет многочисленные случаи успешной интеграции. Озабоченность старожилков тем, что интеграция новоприбывшего населения пробуксовывает, свидетельствует о том, что этот процесс идет.

---

¹ Структурная дистанция может быть сокращена (через повышение уровня доходов, уровня образования, профессиональной квалификации и т.д.). Соответственно, структурная дистанция достаточно просто поддается измерению — в отличие от культурной дистанции (понятия весьма проблематичного).

Часть I
ИНТЕГРАЦИЯ МИГРАНТОВ:
КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

ГЛАВА I. ПРОБЛЕМАТИЧНОСТЬ ИСХОДНЫХ ПОНЯТИЙ

Иммигранты, мигранты и феномен международных миграций

В обыденном языке слова «иммигрант» и «мигрант» употребляются как синонимы. Это противоречит толковым словарям. Последние велят называть иммигрантами граждан одного государства, прибывших на постоянное (или длительное) жительство на территорию другого государства, а мигрантами — людей, сменивших место жительства в пределах территории государства, гражданами которого они являются. В нижеследующем изложении тем не менее оба термина будут использоваться как взаимозаменяемые.

Основная причина, побудившая меня пойти на такую вольность, носит методологический характер. Дело в том, что само различие между «внутренними» и «внешними» мигрантами возникает тогда, когда мы смотрим на феномен миграции сквозь государствоцентричную призму. Однако если посмотреть на него из перспективы мировой экономики, то миграции населения — как внутри, так и поверх государственных границ — элемент глобальной трудовой мобильности. Это в первую очередь перемещения работников из мирового Села в мировой Город, обусловленные урбанизацией. Кроме того, это социально-географическая мобильность высококвалифицированных специалистов. А они ищут (и часто находят) работу независимо от территории своего актуального жительства. Таким образом, мигранты — это любые работники, которые трудятся не в том месте, в котором родились и выросли, будь то их родное село, родной город или родная страна¹.

---

¹ Мы здесь отвлекаемся от другой составляющей глобальных миграционных потоков — политической. Определенная часть людей, решающих эмигрировать, делает это под давлением форс-мажорных обстоятельств: гражданской войны, революции и т.д. Это беженцы и соискатели политического убежища. Главное отличие между миграциями этого типа и трудовой миграцией в их вынужденном характере.

Таким образом, противодействие обыденного языка различению между мигрантами и иммигрантами таит в себе глубокий смысл. Ведь те, кто с точки зрения страны въезда являются *иммигрантами*, выступают как эмигранты с точки зрения страны выезда. Но они в любом случае являются *мигрантами*. Язык стихийно отбрасывает лишнее. Более того, язык улавливает тенденцию, которую социологи миграции называют транснационализмом. Транснационализм представляет собой как раз такую перспективу анализа, которая преодолевает центрированность исследовательского взгляда на нациях-государствах. В самом деле, в сегодняшнем мире физическое перемещение из одной страны в другую не несет с собой последствий, с какими оно было сопряжено еще полвека назад. Если в прежние времена эмиграция означала практически полный разрыв с родиной, то сегодня это не так. Во-первых, после окончания холодной войны, когда почти все государства заявили о своей приверженности демократии, эмиграция превратилась из экзистенциального решения (иногда, впрочем, навязанного) в рутину¹. Во-вторых, современные средства коммуникации, от телефона до интернета, позволяют поддерживать связь со страной исхода после отъезда, а современные средства транспорта делают возможными достаточно регулярные посещения родственников и друзей. Но дело даже не в том, что мигранты, однажды покинув страну, могут туда вернуться (на время или навсегда). Дело прежде всего в том, что в наши дни мигранты выстраивают сети взаимодействия поверх национально-государственных границ. В этом смысле они живут в особом – транснациональном – пространстве².

---

¹ Читателям, не заставшим советские времена, возможно, стоит напомнить о том, что выезд граждан СССР за пределы страны на постоянное жительство был крайне затруднительным; в то же время государство оставляло за собой право высылать отдельных своих подданных, лишив их гражданства. Наиболее громкие истории такого рода связаны с именами Александра Солженицына и Василия Аксенова. Невозвращенцем на излете советского режима оказался также Андрей Тарковский.

² Парадигму транснационализма в исследованиях миграции разрабатывают Алехандро Портес, Стивен Вертовек, Томас Файст и др. См.: 'Transnational Communities' // *Ethnic and Racial Studies* /Special issue

Помимо собственно методологических соображений, есть еще одна причина, побуждающая использовать термины «мигрант» и «иммигрант» как синонимы. Она лежит в области социальной психологии и связана с особенностями восприятия новоприбывшего населения. Для коренных жителей того или иного региона *все* приезжие (как иностранцы, так и сограждане) будут мигрантами. Особенно если они отличаются от них внешне. Так, в глазах петербургских школьников любой новенький в классе, если он откуда-то приехал, воспринимается как мигрант – независимо от того, прибыл он из Карелии или из Киргизии¹. Да и напряженные отношения между жителями областей Центральной России и выходцами с Кавказа не зависят от того, являются кавказцы гражданами Российской Федерации или гражданами государств Закавказья.

Миграция и методологический национализм

Перспектива анализа, которую мы обозначили выше как государствоцентризм, в специальной литературе получила другое имя: методологический национализм². Молчаливое допущение методологического национализма заключается

---

ed. by A. Portes, L.E. Guarnizo, P. Landolt. 1999. Vol. 22, N 2; Rethinking Migration: New Theoretical and Empirical Perspectives /ed. by A. Portes, J. DeWind. N.Y. : Berghahn Books, 2007; Faist T. The Volume and Dynamics of International Migration and Transnational Social Spaces. Oxford : Oxford University Press, 2000; Vertovec S. Migrant Transnationalism and Modes of Transformation // International Migration Review. 2004. Vol. 38, N 3. P. 970–1001. О попытках преодоления методологического национализма в теоретической социологии см.: Delanty G. The Cosmopolitan Imagination: The Renewal of Critical Social Theory. Cambridge, UK : Cambridge University Press, 2009; Бек У. Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма: новая всемирно-политическая экономия. М. : Территория будущего : Прогресс-традиция, 2007. С. 17–63.

¹ См.: Александров Д.А. СМИ количество детей мигрантов в российских школах сильно преувеличивают! URL: <http://spb.hse.ru/news/67803675.html>

² См.: Wimmer A., Glick Schiller N. Methodological Nationalism and Beyond: Nation-State Building, Migration and the Social Sciences // Global Networks. 2002. Vol. 2, N 4. P. 301–334.

в том, что нация (нация-государство, национальное государство) рассматривается как единственно возможная и естественная форма деления мира, а также как единственно возможная и само собой разумеющаяся единица анализа.

Однако такой способ «нарезки» политических границ (когда они проходят по национальному, а не, скажем, династическому или конфессиональному признаку) отнюдь не является «естественным». Ему не более двухсот лет. До того, как мир был поделен на нации-государства, он был поделен между империями. А перемещение в пределах империй не воспринималось как нечто аномальное. Не говоря уже о том, что границы между династическими государствами были пористыми и, стало быть, более проходимыми, чем между современными национальными государствами¹.

Равным образом не является само собой разумеющейся нациоцентричная оптика в социальных исследованиях. Правда, формирование социологической науки пришлось как раз на тот период, когда национальное государство утвердилось в качестве господствующей формы политической организации. Соответственно, национальная рамка рассуждения казалась естественной и Конту, и Дюркгейму, и Веберу. Хотя были и исключения. Так, британский географ Эрнст Георг Равенштайн выпустил в конце 1880-х годов трактат, посвященный изучению «законов миграции»². Феномен миграции он рассматривал как перемещения из

---

¹ По удачному выражению Энтони Гидденса, государства, существовавшие до наступления эпохи модерна, не имели границ (borders) — они имели лишь фронтиры (frontiers). См.: Giddens A. *The Nation-State and Violence*. Oxford: Polity Press, 1985. О фронтирах в истории империй см.: Рибер А. *Меняющиеся концепции и конструкции фронтира: сравнительно-исторический подход* // Новая имперская история постсоветского пространства / под ред. И. Герасимова, С. Глебова, А. Каплуновского, М. Могильнер, А. Семенова. Казань: Центр исследований национализма и империи, 2004. С. 199–222.

² См.: Ravenstein E.G. *The laws of migration: second paper* // *Journal of Royal Statistical Society*. 1889. Vol. 52. Между прочим, назвав ученого британцем, мы невольно подтвердили глубокую укорененность методологического национализма в современном мышлении. Равенштайн (он же Равенштайн) был родом из Германии, там же вступил на научное поприще и лишь затем переселился в Великобританию.

перенаселенных сельских регионов в недостаточно населенные урбанизированные регионы — *не проводя различий в том, происходят ли эти перемещения внутри одного государства или между государствами*. Но подобный подход не был востребован, а потому не получил развития в социологическом мейнстриме. В его рамках оседлость, пребывание в пределах государственных границ были приняты за норму, а пересечение этих границ — за отклонение от нормы.

Почти столетие спустя ход мысли Э.Г. Равенстейна был продолжен в неомарксистской социологии. В частности, в теории Иммануила Валлерстейна миграция — это перемещения рабочей силы с периферии мировой экономической системы в ее ядро. Глобальные миграции представляют собой столь же необходимый элемент функционирования мировой экономики, сколь и перемещения капиталов, товаров и услуг. Стало быть, миграция нормальна и естественна, и увидеть ее в таком качестве нам мешают националистичные очки¹.

Если же снять эти очки, мы увидим, что массовые миграции, которые мы склонны связывать с глобализацией последних трех-четырёх десятилетий, в сравнимых масштабах происходили и раньше². В частности, в период между серединой XIX века и началом Первой мировой войны перемещения работников охватывали мировые пространства и вовлекали колоссальные людские массы³. Поскольку тогдашние центры капиталистического накопления (Бразилия и Аргентина, США и Канада, Франция и Англия) испытывали острую нехватку рабочих рук, предприниматели в этих центрах на регулярной основе нанимали сотни тысяч мигрантов. Это было поистине всемирное — глобальное, как сейчас выражаются, — передвижение человеческих масс.

---

¹ См.: Валлерстейн И. Социальные изменения? Изменения вечны. Ничего не меняется // Валлерстейн И. Конец знакомого мира : Социология XXI века / пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. М. : Логос, 2003. С. 162–186.

² См.: Goldin I., Cameron G. Exceptional People: How Migration Shaped Our World and Will Define Our Future. Princeton : Princeton University Press, 2012. (Особенно часть II).

³ См.: Wimmer A., Glick Schiller N. Methodological Nationalism and Beyond...

Из Италии, Португалии, Испании, а также в ту пору бедных Германии, Бельгии и Швеции — во Францию и Северную Америку; из Ирландии и многих стран континентальной Европы — в Англию; из Японии — в Бразилию и Аргентину; из Китая, а также стран Центральной и Восточной и Южной Европы (от Германии и Польши до Греции, Италии и Турции) — в США. Характерно, что в этот период многие государства пошли на такую меру, как отмена паспортно-визового режима¹.

Есть, впрочем, авторы, которые преодолевают националистичный взгляд на феномен миграции, не будучи ни марксистами, ни профессиональными социологами. Умберто Эко, например, предложил отличать феномен миграции от феномена иммиграции так же, как мы отличаем природные явления от политико-правовых. В понимании Эко, иммиграция — категория юридическая. Она описывает пересечение государственной границы определенным числом индивидов, а потому поддается замерам и регуляции. Миграция же — это имя процесса, сравнимого со стихийным бедствием. Ее, как землетрясение или наводнение, невозможно ни просчитать, ни отрегулировать². Люди вовлекаются в миграцию потому, что там, где они жили, бушует гражданская война, голод, хронически нет работы и т.д. Они снимаются с места, пополняя миллионные потоки беженцев, соискателей политического убежища и, разумеется, трудовых мигрантов.

Итак, критический взгляд на методологический национализм показан не только по теоретико-методологическим, но и по нормативно-этическим причинам. Он позволяет преодолеть позицию, выраженную в бытовой максиме «где родился, там и пригодился». Многие десятки миллионов людей в сегодняшнем мире, как выяснилось, совсем не пригодились в той стране, в которой родились. Их подтолкнула к эмиграции либо безысходная безработица, либо поли-

---

¹ См.: Torpy J. *The Invention of the Passport: Surveillance, Citizenship and the State.* (Cambridge Studies in Law and Society). Cambridge : Cambridge University Press, 2000.

² См.: Эко У. *Когда на сцену приходит другой // Эко У. Пять эссе на темы этики.* СПб. : Симпозиум, 2000. С. 9–24.

тическая нестабильность, либо то и другое вместе. Вместе с тем внушительные массы бывших советских людей, мигрировавшие в поисках заработка и/или лучшего будущего для своих детей в пределах собственной страны – внутренние мигранты в СССР – оказались в положении внешних мигрантов после его распада. Таджики, узбеки и киргизы, на которых сегодня в России зачастую смотрят как на нежелательных иммигрантов, не виноваты в том, что страна, гражданами которой они являлись до 1991 г., перестала существовать¹.

Иммигранты и репатрианты

Симптоматичны и трудности, которые возникают в ситуации с *репатриантами* (соотечественниками). Следует ли приравнять их к прочим мигрантам или применительно к соотечественникам подобное словоупотребление неуместно? В иммиграционных законодательствах целого ряда стран, в частности Германии, Испании, Португалии, Греции, Италии, существуют специальные положения в отношении к со-ethnics, то есть лиц одной этнической принадлежности с большинством населения принимающего государства. Если переселяющийся, скажем, из Аргентины в Италию индивид имеет итальянское происхождение, то он (она) не рассматривается как иммигрант. Он считается репатриантом, то есть человеком, вернувшимся на родину. В отношении такого человека действует особый режим приема в гражданство. Достаточно представить документ, подтверждающий, что один из родственников в третьем поколении (дед или бабушка) были родом из Италии.

Это влечет за собой очевидный парадокс. Люди, которые *фактически* являются иммигрантами, *юридически* таковыми не являются. И наоборот, те, кто не относится к иммигран-

---

¹ Нелишне, кстати, напомнить, что республики Средней Азии до самого конца не хотели объявлять о своем выходе из СССР. Это случилось лишь осенью 1991 г. (Туркмения заявила о своем суверенитете в октябре, Казахстан – в декабре и т.д.), то есть через полтора года после того, как о своем суверенитете объявила Россия.

там де-юре, являются таковыми де-факто. Например, так называемые аусзидлеры (Aussiedler – переселенец) в Германии. Это выходцы из СССР, а также Румынии, Польши и других стран Восточной Европы, переехавшие в ФРГ в рамках программы по возвращению соотечественников, действовавшей вплоть до начала 1990-х. Многие из них, будучи немцами согласно документам, были далеки от немцев Западной Германии по культуре и навыкам поведения. С точки зрения местного населения они такие же иммигранты, как и все остальные иностранцы. Они в большинстве своем так же плохо знают немецкий язык и испытывают такие же трудности с адаптацией к социокультурному окружению, как и приезжие без немецких корней. Так кто же эти люди на самом деле: члены нации, временно находившиеся за пределами национальной территории (именно таковыми они предстают в законодательстве, а также в риторике националистов) или иммигранты?

Россия после 1992 г. столкнулась с похожей проблемой. Кем являются выходцы из РСФСР, которые в 1960–70-е отправились жить в одну из советских республик, а после распада СССР потянулись обратно? Казалось бы, ответ ясен: соотечественниками, в отношении которых должен действовать режим максимального благоприятствования при переселении. Но тогда почему закон о поддержке соотечественников так долго не принимался (а после его принятия так плохо работает¹)? И почему местное население в тех областях, куда прибывали русские переселенцы из Закавказья и Средней Азии, подчас встречало их с не меньшей враждебностью², чем мигрантов из «этнически чуждых» регионов?

---

¹ Бюрократические препоны, с которыми столкнулись люди, попытавшие воспользоваться преимуществами программы по поддержке соотечественников, показали, что в глазах чиновников русские мигранты ничем не отличаются от обычных иммигрантов. См.: Кириллова Е.К. Проблемы вынужденных переселенцев в России: глазами мигрантов // Социологические исследования. 2004. № 11. С. 46–51.

² См.: Нетерпимость в России: старые и новые фобии / под ред. Г. Витковской и А. Малашенко. М.: Московский Центр Карнеги, 1999.

*Где пролегает граница между местным
и приезжим населением?*

Граница между «коренным населением» и «мигрантами» представляется очевидной лишь на первый взгляд. Во-первых, многие из тех, кого относят к коренным жителям той или иной страны, строго говоря, таковыми не являются. Либо они сами, либо их ближайшие предки сюда когда-то приехали (иммигрировали)¹. Во-вторых, есть немало людей, которых никому в голову не придет считать иммигрантами, хотя по формальному признаку их следует отнести именно к этой категории. Согласно дефиниции, принятой Международной организацией по миграции (МОМ), иммигрант – это гражданин одного государства, который более года проживает на территории другого государства. Под это определение подпадает, к примеру, Арнольд Шварценеггер. Мегазвезда шоу-бизнеса и бывший губернатор, который сегодня всеми воспринимается как стопроцентный американец, юридически стал таковым в достаточно позднем возрасте². С формальной точки зрения и гордость британского рока Фредди Меркури, и сооснователь компании Google Сергей Брин, и английский историк сэр Исайя Берлин, и победитель «Евровидения» от Норвегии Александр Рыбак, и великий французский философ Жак Деррида, и успешный писатель Эдуард Багиров являются иммигрантами первого поколения³.

---

¹ Жерар Нуариель преподнес сюрприз и публике, и ученому миру, опубликовав в 1988 г. труд «Французский плавильный котел». Из него следовало, что у каждого пятого жителя Франции, считающего себя коренным французом, есть как минимум один родственник в третьем поколении, который родился за пределами Франции. См.: Noiriell G. Le creuset francais: Histoire de l'immigration XIX–XX siècle. Paris ; Seuil, 1988. (Английский перевод этой книги вышел в 1996 г.).

² В тот момент ему было 35 лет. Некоторое время Шварценеггер был даже нелегальным иммигрантом, поскольку жил в США по просроченной визе.

³ До своего превращения во Фредди Меркури музыкант носил имя Фарух Булсар, он родился на острове Занзибар, детство и юность провел в Индии, а имя сменил уже в Англии, когда ему было 24 года. Сергея Брина родители привезли в США в шестилетнем возрасте. Исайя Берлин прибыл

Еще более проблематично выражение «иммигранты второго поколения» (когда имеют в виду детей иммигрантов). Под эту категорию попадают, к примеру, Николя Саркози и Барак Обама¹.

Наконец, существует еще одно обстоятельство, усложняющее проведение границы между «нами» и «понаехавшими». Как, к примеру, определить национальную принадлежность таких известных в своих странах личностей, как Омид Нурипур, Ньямко Сабуни или Айян Хирси Али?² По убеждению большинства их сограждан, Омид Нурипур – немец (иранского происхождения), Ньямко Сабуни – шведка (африканского происхождения), а Айян Хирси Али – голландка (того же происхождения). Однако найдется немало живущих рядом с ними людей, для которых ни сегодняшнее гражданство названных персон, ни их самоидентификация недостаточны для того, чтобы включить их в круг соотечественников.

Все это, разумеется, лишь самые очевидные, бросающиеся в глаза случаи. Но они позволяют высветить одну принципиальную проблему. С какого момента человек, с формальной

на Британские острова из России, когда ему было 11 лет отроду. Александр Рыбак родился в Минске, живет в Норвегии с четырех лет. Жак Деррида приехал во Францию из Алжира на двадцатом году жизни, в том же 19-летнем возрасте прибыл в Россию из Туркмении Эдуард Багиров.

¹ Отец Николя Саркози Пал Надь-Боча Шаркёзи иммигрировал во Францию из Венгрии в 1944-м, французским гражданином стал лишь в начале 1970-х, то есть когда будущий министр французского правительства и президент Франции был уже подростком. Отец Барака Хусейна Обамы родом из Кении, в момент рождения будущего президента жил в Гонолулу (Гавайские острова).

² Омид Нурипур (род. в 1975 г. в Тегеране) – немецкий политик, депутат бундестага от Партии зеленых. Ньямко Сабуни (род. в 1969 г. в Бурунди) – депутат Шведского парламента в 2002–2006 гг., а с 2006 по 2013 г. – член кабинета министров Швеции (возглавляла Министерство по делам интеграции). Айян Хирси Али (род. в 1969 г. в Сомали) – голландская писательница и общественный деятель; в 2005 г. вошла в список 100 самых влиятельных женщин мира; известность ей принес, среди прочего, сценарий для документального фильма «Подчинение» (Submission), снятого режиссером Тео Ван Гогом в 2004 г. (вскоре после этого он был убит).

точки зрения являющийся иммигрантом, перестает быть таковым в глазах людей, окружающих его на новой родине? Что он должен предпринять, чтобы перестать восприниматься как чужой? Существует ли набор свойств, обладание которыми достаточно для того, чтобы считаться интегрированным?

ГЛАВА 2. ЧТО ОЗНАЧАЕТ «ИНТЕГРАЦИЯ МИГРАНТОВ»?

Под выражением «интеграция мигрантов» понимают, по крайней мере, три разных вещи.

Во-первых, *ассимиляцию*. В этом случае от мигрантов ожидают полного растворения в населении принимающей страны. Они должны отказаться от всего, что каким-либо образом отличает их от принимающего сообщества. Слово «интеграция» в данном случае выступает фиговым листком — или, как выразился Зигмунт Бауман, «политкорректным обозначением» — ассимиляции.

Во-вторых, под интеграцией может пониматься *культурная адаптация* мигрантов к новому для них окружению. В этом случае от них не ожидают отказа от любых проявлений культурной принадлежности, связанных со страной происхождения. Для описания процесса культурной адаптации социологи и политики используют два термина — *аккультурация* и *аккомодация*. Первый термин, как правило, более или менее тождествен ассимиляции¹. Те, кто предпочитает второй из этих терминов, стремятся подчеркнуть, что приспособление мигрантов к новой культурной среде хотя и предполагает изменения в их ценностях и нормах, не требует от них смены идентичности.

В-третьих, интеграция мигрантов может означать их *структурную адаптацию* к новой среде, а именно такую степень включенности в жизнь принимающей страны, когда

---

¹ Во времена Бронислава Малиновски среди социальных антропологов, изучавших культурные контакты, было принято считать, что результатом аккультурации будет растворение более «слабой» культуры в более «сильной» (то есть ассимиляция). Одна из культур выступает как более «сильная» либо по причине технологического преимущества, либо потому, что на ее стороне находится политическая власть. Впоследствии возобладал более плюралистический подход, подчеркивающий взаимодействие культур. Аккультурация стала трактоваться скорее в терминах культурного сближения и культурного слияния («фьюжн»), чем в терминах полного растворения носителей одной культуры в другой.

они практически не отличаются от большинства местного населения по объективным (социально-экономическим) показателям. Культурные показатели при этом отодвинуты на второй план. Единственный из значимых параметров культурного свойства в этой связи — владение языком. Однако в рамках данного подхода уровень владения языком также непринципиален. Предполагается, что, коль скоро индивид сумел успешно вписаться в рынок труда, он обладает необходимой языковой компетенцией.

Примечательно, что в публичном и академическом обиходе Соединенных Штатов вместо слова «интеграция» обычно используют слово «ассимиляция». Вплоть до недавнего времени американские политики и ученые вообще обходились без термина «интеграция». Он вошел у них в оборот лишь под воздействием европейских дискуссий.

Легкость, с какой в Америке говорят об ассимиляции мигрантов, объясняется просто. В американском контексте ассимиляция не подразумевает отказа от этнической или религиозной идентичности тех, кто ассимилируется. Она означает *функциональное вовлечение* мигрантов и их потомков в четыре основные сферы общества — занятость, систему социальной защиты (welfare), жилищную сферу и образование¹.

Иными словами, ассимиляция в ее американском понимании — это абсорбция нового населения вместе с приносимым этим населением культурным разнообразием. (Мы оставим пока за скобками вопрос о том, сколько разнообразия допускалось после прохождения мигрантов через плавильный котел Америки)².

Такая традиция словоупотребления разительно отличается от Европы, где за термином «ассимиляция» тянется шлейф негативных коннотаций.

Перед нами, как не раз подмечали наблюдатели, своеобразный парадокс. В Европе, где слова «ассимиляция» ста-

---

¹ См.: Alba R., Nee V. Rethinking Assimilation Theory for a New Era of Immigration // International Migration Review. 1997. Vol. 31, N 4. P. 826–874.

² Отметим лишь, что представление о том, как должен работать американский плавильный котел, претерпело за два столетия серьезные изменения.

рательно избегают, *именно к ней стремятся*, а в Америке, где это слово до сих пор в ходу, мигрантам оставляют довольно широкий простор для выбора.

Чем объясняется предпочтение, которое в Европе отдается термину «интеграция»? На первый взгляд — соображениями чисто репутационного свойства, а именно стремлением выглядеть более восприимчивыми к разнообразию. Но чем объясняется само это стремление? Эндрю Фэвелл полагает, что оно обусловлено европейским историческим наследием. В отличие от Соединенных Штатов, где нация строилась на *территориальной* основе, нации в Европе формировались на *этнокультурной* основе. Интегрирование того или иного политического образования в культурную целостность происходило посредством «национализации» меньшинств. Нациостроительство в Европе представляло собой более или менее насильственное поглощение населения периферийных регионов определенным властным центром (каталонцев, валенсийцев и галисийцев — кастильским центром в Мадриде; саксонцев, швабов и баварцев — прусским центром в Берлине, валлийцев и шотландцев — английским центром в Лондоне и т.п.). Поэтому европейцы мыслят национальную интеграцию сквозь призму институтов и структур, которые в состоянии объединить разнородное население, превратить его в культурное (если не этническое) единство. Соответственно, интеграция мигрантов воображается как продолжение того же процесса. Ее цель — еще раз проделать то же, что было проделано в эпоху нациостроительства, а именно присоединить новое население к этнокультурному ядру. Отсюда и беспокойство европейских политиков по поводу того, что настоящей интеграции мигрантов (читай: их этнокультурной ассимиляции) никогда не произойдет¹.

Поэтому нельзя не отдать должное проницательности Зигмунта Баумана: то, чего на самом деле хотят европейцы, — это именно ассимиляция. Но слово «ассимиляция» не

---

¹ См.: Favell A. Integration Nations: The Nation-State and Research on Immigrants in Western Europe // International Migration Research: Constructions, Omissions and the Promises of Interdisciplinary / Bommes M., Morawska E. (eds.). Aldershot, Hants, England Burlington, VT : Ashgate, 2004. P. 41–68.

произносится — из суеверного страха, что желанной цели не удастся достичь.

*Проблематика интеграции мигрантов
в западной академической литературе*

Западная академическая литература по интеграции мигрантов весьма неоднородна. Бросается в глаза прежде всего контраст между европейскими и североамериканскими авторами. В США и Канаде проблематика инкорпорирования приезжих в принимающее общество рассматривается в перспективе снизу вверх. Исследуется то, как это включение происходит на уровне *социального взаимодействия*. В частности, социологи наблюдают за тем, существует ли сегрегация по месту жительства, каковы показатели местного и ново-прибывшего населения с точки зрения структуры занятости, заключаются ли и как часто смешанные браки и т.д. В *европейской литературе* господствует иная перспектива: сверху вниз. Интеграция мигрантов рассматривается здесь как вопрос по преимуществу *политико-административный*. Соответственно, предметом исследования выступают программы интеграции, разрабатываемые тем или иным государственным ведомством. Более того, эти исследования, как правило, привязаны к процессу принятия административных решений и ведутся по заказу госструктур. Есть, правда, исследования, которые иницируются неправительственными организациями. Однако и в том, и в другом случае оказывается, что европейские авторы, пишущие об интеграции, зачастую являются людьми ангажированными. Они вовлечены или в некую государственную, или в некую «активистскую» структуру. Перед нами, таким образом, не столько исследователи, сколько исполнители заказа, будь то заказ административный или «партийный»¹.

---

¹ См.: Favell A. Integration Policy and Integration Research in Europe: a Review and Critique // Citizenship Today: Global Perspectives and Practices /Т.А. Aleinikoff, D. Klusmeyer (eds.). Washington, D.C. : Brookings Institution / Carnegie Endowment for International Peace, 2001. P. 349–399.

Как бы то ни было, многие из ученых, обращающихся к интересующей нас теме, указывают на проблематичность самого выражения «интеграция мигрантов». В самом деле, употребляя это выражение, мы исходим из целого ряда молчаливых допущений. Мы воображаем принимающее сообщество как некую целостность. При этом мы молчаливо подразумеваем, что эта целостность оказывается под угрозой в результате иммиграции. Далее, мы полагаем, что в основе упомянутой целостности лежит некий нормативный консенсус (общие ценности). Такое представление восходит к Эмилю Дюркгейму, а систематическое воплощение оно получило благодаря Толкотту Парсонсу.

Однако со временем теоретическая социология отошла от подобного способа мыслить общество. Одним из первых, кто подверг критике образ общества как целого, «интегрированного» на основе общих ценностей, был Майкл Манн. Размышляя о причинах «социальной сплоченности» (*social cohesion*), Манн приходит к выводу, что они лежат отнюдь не в консенсусе по поводу ценностей. Такой консенсус невозможен, во-первых, в силу глубоких различий в ценностных ориентирах отдельных индивидов, а во-вторых, потому, что разные социальные классы придерживаются разных ценностей. То, что удерживает общество как целое, — это скорее общее пространство конфликта. Что же касается готовности низших классов принять нормы, исходящие от высших классов, то она обусловлена не нормативными, а прагматическими мотивами. Подчиненные соглашаются не бунтовать против *status quo* не потому, что считают его легитимным, а потому, что не видят для себя альтернативы¹.

Объектом полемики для Манна выступала, конечно, парсоновская концепция общества. Тем примечательнее, что другой важный в нашем контексте автор был учеником Парсонса. Это Никлас Луман, который предложил мыслить социальную реальность не в качестве единой системы, а в качестве совокупности систем. Отдельные системы — хозяй-

---

¹ См.: Mann M. The Social Cohesion of Liberal Democracy // *American Sociological Review*. 1970. Vol. 35, N 3 (June). P. 423–439.

ственная, политическая, культурная (всего их в лумановской теории двенадцать) — обладают и собственной структурой, и собственной логикой. Ни одна из систем не может претендовать на центральное место. У современных обществ, по Луману, «нет ни центра, ни высшей точки». Применительно к нашей теме это значит, что каждая из систем включает в себя индивидов (актеров, агентов действия) лишь в том или ином отношении, но никогда не «целиком».

Сходным образом рассуждает и такой корифей современной социологии, как Пьер Бурдьё. У него речь идет не об обществе как некоем целом, а о совокупности полей — экономического, политического, бюрократического и т.д. Правила игры, действующие внутри одного из полей, не могут быть механически перенесены в другие. Каждое поле организовано по-своему. Соответствующим образом выглядит и интеграция новоприбывших индивидов: они интегрируются в то или иное поле, а не в общество как таковое.

Исходя из такой позиции, нельзя не переосмыслить и понятие интеграции. Оно обретает теперь множество смыслов. Да, интеграция означает включение (в общество), а ее отсутствие — исключение (из общества). Но включение и исключение мигрантов не есть нечто абсолютное. Мигранты в одно и то же время и включены, и исключены. Будучи исключены в одном качестве, они включены в другом. Все зависит от того, о какой системе (или о каком из полей) идет речь. В качестве целостных индивидов мигранты исключены, но как агенты той или иной системы (или игроки того или иного поля) они включены¹.

Мысля в такой перспективе, мы перестаем представлять мигрантов как некую сущность. Мы начинаем вести речь не о мигрантах вообще, а об индивидах и группах с определенными позициями и индикаторами (образование, доход,

---

¹ См.: Joppke Ch., Morawska E. Integrating Immigrants in Liberal Nation-States: Policies and Practices // *Toward Assimilation and Citizenship: Immigration in Liberal Nation-States* /Ch. Joppke, E. Morawska (eds.). N.Y.: Palgrave-Macmillan, 2003. P. 1–36.

занятость, политическое участие и т.д.)¹. Иными словами, мы начинаем сопоставлять не две субстанции — общество, с одной стороны, и мигрантов — с другой, а более конкретные и более измеримые величины.

Отсюда следует достаточно неожиданный вывод. А именно: абсолютно неинтегрированных мигрантов не существует. Такое явление, как «неинтегрированный мигрант», невозможно со структурной точки зрения. С момента, когда индивид попадает на территорию той или иной страны, он уже в некотором отношении интегрирован — в экономическую цепочку, в круг родственников и знакомых, в «этническую сеть» или в землячество, в систему социальной поддержки со стороны государства или НПО (если речь идет о беженцах) и т.д.

Между прочим, с точки зрения реальной включенности в общественные отношения мигрант (если он является, например, высококвалифицированным специалистом) может оказаться даже более интегрированным, чем иные представители местного населения. В самом деле, у кого показатели интегрированности в общество выше — у имеющего частную практику врача из Ливана или у бомжа из числа коренного населения?

Еще один шаг, сделать который приглашает современная социальная наука, состоит в следующем: интеграция есть *практическая категория*. Интеграция принадлежит к числу понятий, которые часто применяются с целью анализа, но при этом являются категориями практики². Они используются различными агентами социального действия — чиновниками, политиками, общественными активистами — с вполне конкретными целями. Особенно охотно к понятию «интеграция» прибегают правые популисты, пытающиеся сделать тему мигрантов и их «нежелания интегрироваться» главной в повестке дня.

---

¹ Joppke Ch., Morawska E. Integrating Immigrants in Liberal Nation-States. P. 2–3.

² К таким понятиям относится, среди прочих, понятие «нация». См.: Brubaker R. Introduction // Brubaker R. Nationalism Reframed: Nationhood and the National Question in the New Europe. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. P. 1–22.

Функционируя в сфере политики, термин «интеграция» является частью политики. А политика есть сфера, в которой идет борьба за власть, в том числе за власть над «именами». За монополию на название. Считать ли того или иного индивида/группу людей достойными равного обращения или, напротив, отказать им в полноправном доступе к социальным ресурсам на основании их «недостаточной интегрированности»? Ответ на этот вопрос зависит не столько от объективных показателей интеграции, сколько от субъективной оценки — разной у разных участников политического процесса.

И наконец, важный сдвиг в теоретической социологии и политической науке, который мы должны учитывать при обсуждении нашей темы, связан с переосмыслением понятия «культура».

Если со времен Гердера культуру было принято представлять в качестве устойчивого органического целого¹, то в течение последней трети XX века это представление постепенно вытеснялось другим. Культуру стали представлять в виде дискурсивного поля, на котором сосуществуют (то сотрудничая, то конкурируя друг с другом) различные нарративы². Иными словами, произошел сдвиг от *субстанциалистского* понимания культуры к *процедурному* ее пониманию.

Тема интеграции мигрантов в европейских публичных дебатах

В общественно-политических дискуссиях Западной Европы выражение «интеграция мигрантов» появляется не ранее 1980-х годов. До этого времени сам вопрос о включении приезжих в национальное сообщество либо казался неакту-

---

¹ Излюбленной метафорой выступал, в частности, образ дерева — с общими корнями, единым стволом и отходящими от него ветвями, на которых произрастают тысячи отдельных листочков. Позднее на смену этой метафоре пришел образ здания — с фундаментом, стенами, крышей и окнами.

² См.: Бенхабиб С. Притязания культуры: равенство и разнообразие в глобальную эру. М.: Логос, 2003.

альным, либо сознательно отвергался. Неактуальным он казался прежде всего потому, что в странах, сделавших в 1950-е ставку на трудовую иммиграцию, публика и элиты исходили из иллюзии временности этого явления. Предполагалось, что после официального прекращения найма иностранной рабочей силы (1973–1974) «гостевые работники» вернуться на историческую родину. Правда, в ряде стран имела место постколониальная иммиграция, ставшая достаточно заметной в 1960–70-е годы. Однако тема интеграции выходцев из бывших колоний тогда практически не обсуждалась. Почему? Похоже, что это было связано со спецификой тогдашней идеологической ситуации¹. В ту пору подобная тема не приветствовалась ни на левом, ни на правом фланге политико-идеологического поля.

Для правых разговоры об интеграции мигрантов были равносильны призыву к размыванию этнокультурных границ нации. С их точки зрения, для мигрантов существовало лишь две опции: либо полная ассимиляция, либо депортация.

Левые не принимали выражение «интеграция мигрантов» по другой причине. Они усматривали в самой этой теме проявление социальной инженерии, или, используя лексику М. Фуко, дисциплинарную практику: навязывание обществу со стороны правящего класса некоего унифицированного образца поведения. Так, в частности, обстоит дело во французских дискуссиях 1970–80-х годов. Позиция левых во Франции того времени сводилась к риторическому вопросу: как можно требовать интеграции в общество от человека, который уже живет в этом обществе?

В Великобритании на подозрительность левых по отношению к государственной машине накладывалась проблематика антирасизма. Интеллектуалы левой ориентации были не только готовы изобличить государственные институты в неизжитом расизме, но и усмотреть в иммигрантских культурах очаги культурного сопротивления капитализму.

---

¹ См.: Favell A. *Integration Nations: The Nation-State and Research on Immigrants in Western Europe*.